

Олимпиада школьников по филологии НГУ и ИФЛ СО РАН

Задания по литературе

Заочный тур

10 класс

1. Сравните стихотворения Ф. Тютчева и В. Бенедиктова с одноименным названием «Бессонница».

Ф. И. Тютчев

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятней каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?
Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.
И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!
Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

В. Г. Бенедиктов

Полночь. Болезненно, трудно мне дышится.
Мир, как могила, молчит.
Жар в голове; Изголовье колыхается,
Маятник-сердце стучит.
Дума, – не дума, а что-то тяжелое
Страшно гнетет мне чело;
Что-то холодное, скользкое, голое
Тяжко на грудь мне легло:
Прочь – И как вползшую с ядом, отравую
Дерзкую, злую змею,
Сбросил, смахнул я рукой своей правою

Левую руку свою,
Вежды сомкну лишь – и сердце встревожено
Мыслию: жив или нет?
Кажется мне, что на них уж наложена
Тяжесть двух медных монет,
Словно покойник я. Смертной отдышкою
Грудь захватило. Молчу.
Мнится, придавлен я черною крышкою;
Крышку долой! Не хочу!
Вскройтесь глаза, – и зрачки раздвигаются;
Чувствую эти глаза
Шире становятся, в мрак углубляются,
Едкая льется слеза.
Ночь предо мной с чернотою бездонною,
А над челом у меня
Тянутся в ряд чередой похоронною
Тени протекшего дня;
В мрачной процессии годы минувшие,
Кажется тихо идут:
«Вечная память! Блаженни уснувшие!» –
Призраки эти поют;
Я же, бессонный, сжав персты дрожащие
В знаменье божья креста,
Скорбно молюсь. «Да, блаженни вы спящие!!!» –
Вторят страдальца уста.

2. Напишите рецензию на рассказ Е. О. Долгопят «Скупой рыцарь».

К рассмотрению принимаются работы объемом не менее 1,5 тыс. знаков, в печатном виде в формате Microsoft Word.

Е. О. Долгопят «Скупой рыцарь»

Глава 1

Потрепанный и затертый, с потемневшими, расслоившимися углами.

Казалось, ему лет сто, а его владельцу, должно быть, сто двадцать, он восстал из мертвых и выкрал свой паспорт из музейной витрины. Маленький, горбатый, сморщенный человек. Как будто пылью припорошенный. Иван Фомич.

В паспорте значилось, что ему сорок пять лет. Всего-навсего.

Он сказал администраторше, что ему нужен самый дешевый номер, что, когда он бронировал, просил самый дешевый.

— Специально для вас, — сказала администраторша и выложила на стойку ключ.

Он захватил ключ иссохшейся маленькой рукой. И потащился к лифту. При себе у него был чемоданчик, тоже вполне музейного происхождения. Фанерный, коричневый, с железными ржавыми углами. У некоторых еще лежат такие на антресолях. Бумаги и фотографии в них хранятся и старые, истоптанные башмаки; умерли те, кто их носил, и люди на фотографиях умерли, и те, кто их помнил хоть немного. Чемодан снесут на помойку, когда придется переезжать, а пока он забыт. Забвение — лучший способ хранения.

Администраторша подумала, что какая-то болезнь пожирает нового постояльца, и отправилась мыть руки с мылом, пухлые, белые, с красиво закругленными ногтями. В служебном туалете мыло пахло земляникой.

Гостиничный номер был узкий, как шкаф. Или так казалось из-за того, что потолок был несоразмерно высок. Дождями он протекал. Иван Фомич включил свет, и разводы на потолке осветились. Лампочка и освещала в основном потолок. Иван Фомич разулся и прилег отдохнуть. Разводы были чудовищные. Они могли сложиться в любую картину, навеять любой сон.

Иван Фомич отвернулся от потолка и различил на тумбочке настольную лампу, годов шестидесятых. Лампочки в ней не было. Иван Фомич включил телевизор. К счастью, работал.

Он подошел к буфетной витрине. Заказывать не спешил. Проворчал громко:

— Совсем обалдели. Сто рублей пирожное.

Буфетчица разглядела его бедность. Ждала терпеливо, что он выберет.

Чай и бутерброд с сыром. Самое все дешевое. Сдачу два раза пересчитал на крохотной птичьей ладони. Устроился в углу, оттуда удобно было наблюдать. И сидел в своем углу долго, бутерброд жевал медленно, мелкими глотками отпивал чай. И ясно было, что уходить ему не хочется, что приятно сидеть среди людей, видеть людей, слушать их разговоры, это для него бесплатный театр, который окупал дорогой чай, — он мог из экономии и в номере чай выпить, вскипятить воду в кружке, бросить пакетик, раз в двадцать дешевле бы обошлось. Но ему хотелось поглядеть на людей. Чай когда кончился, он вернулся к витрине и попросил буфетчицу налить в кружку простого кипятка. Это не разрешалось, но она налила. И даже сахару еще дала, один кусочек. И сказала ему кстати, что может направить к бабушке, которая угол сдает, гораздо выйдет дешевле, чем в гостинице.

— Нет, спасибо. Я в частных домах не люблю. Кто знает, что у частных людей на уме? А здесь все заведено, все в порядке, все под присмотром. Мне тут спокойнее. — И вздохнул: — За все надо платить. И за покой.

Говорил он ясно и живо, и буфетчица догадалась, что он не старик. Цвет глаз у него был холодный, серо-голубой.

Молодые люди устроились у окна. Они принесли тарелки. Иван Фомич вытянул шею. Мясо и картошка. Запах приятный, сытный. Поставили на стол кружки со светлым пивом. Отпили пива, поели, закурили. Приотворили окошко.

Тюль колыхался на высоком окне. Дым выветривался.

— Квартира на первом этаже, — сказал один из парней.

Лицо у него было невыразительное, неопределенное, как будто недопроявленный фотоснимок.

— Квартира большая, три комнаты. Сначала я думал сдать. Потом продуктовый магазин устроить. Сейчас решил, будет спортклуб.

— Места мало.

Собеседник недопроявленного сидел к Ивану Фомичу спиной, он видел только худую шею и стриженный, светлый затылок.

— Не так уж и мало. Перегородки снесу. Я опрос провел. С пацанами во дворе. Они точно будут ходить.

—хлопот много.

Они замолчали. Доели еду, допили пиво.

— Или просто сдам.

— И это правильно.

За столиком возле лимонного деревца говорила по телефону девушка. Иван Фомич напрягал слух, но не мог расслышать, так тихо она шептала в трубку. Иван Фомич улавливал запах ее духов, он ему нравился. Девушка улыбалась. Иван Фомич ждал, когда

улыбка исчезнет. Но, возможно, девушка улыбалась всегда, даже во сне. Ее улыбка не исчезала и не менялась, и сделалось жутковато смотреть на нее.

Настал вечер, сгустились тени на улице, в буфете включили музыкальный центр, народу прибавилось, небольшая очередь выстроилась. Вошел мальчик с утомленным бледным лицом, на плече у него висел неуклюжий рюкзак.

— Что так поздно? — спросила буфетчица, нарезаая хлеб. — Садись, я тебе сосиску сварю.

— Нет, — сказал мальчик.

Он обошел очередь и встал в ее голове. Военный, первый в очереди, сердито хмыкнул.

— Мне некогда, — сказал мальчик буфетчице. — Дай бутерброд.

— Чего тебе вдруг некогда?

— Там. Нужно. Ты мне маслом намажь еще.

— Масло вредно, — сказал военный. — Тем более с колбасой. Плюс белый хлеб. Кровоснабжение мозга нарушается. — И сглотнул голодную слюну.

Буфетчица положила бутерброды в пакет. Но передавать его мальчику не спешила.

— Во сколько придешь?

— В десять.

— Смотри.

— Позвоню в десять.

— В дверь позвонишь!

Он промолчал. Буфетчица вздохнула и передала сверток. Мальчик затолкал его в рюкзак при всеобщем молчании — буфетчицы, очереди, посетителей за столиками. Только музыка гудела.

Закинул рюкзак за плечо и ушел. Буфетчица смотрела ему вслед.

Кольхался на высоком окне серый тюль.

— И мать ему не указ, — сказал военный. — Во сколько хочу, во столько приду. Уроки учить необязательно, работать не надо, мать всегда прокормит. И чего не прокормить на таком хлебном месте.

— Не наговаривайте, — остановила его буфетчица. Но без напора, мирно. — Не говорите, чего не знаете. Учится он хорошо. По математике вообще первый.

— Учится он, может, и хорошо, но уважения к матери не имеет.

— Вас это не касается. Это я буду волноваться. А вам волноваться нечего.

— Я и не волнуюсь.

— Да я и так знала, что вы не волнуетесь. Давайте есть. Что будете? Картошка вкусная, жареная, можно с луком.

— Нет. У меня язва.

— Каша есть молочная, рисовая, очень вкусная.

Военный молчал, думал.

— Слушай, — сказали в очереди. — Давай, что ли.

Иван Фомич наслаждался театром. Потягивал из кружки горячую сладкую водицу, вдыхал сигаретный дым. Сам он никогда не курил, но дым любил. И чем дешевле, чем горше была сигарета, тем больше ему нравилось.

На другой день после завтрака (манная молочная каша, чай) Иван Фомич вышел в город. Гостиница возвышалась в центре, здание семидесятих годов постройки из стекла и бетона.

День был ясный, воскресный. Иван Фомич шел не спеша. Руки он заложил за спину и шевелил там, за спиной, пальцами. Издали он совсем казался стариком, сберегающим последние тихие часы жизни.

Иван Фомич заглядывал в низкие провинциальные окна, иногда отвечала ему взглядом кошка, иногда старуха или — небесными глазами — младенец. Из форточек

выходил на улицу домашний дух, и Иван Фомич узнавал, что сегодня на завтрак и курят ли хозяева. И что смотрят с утра пораньше по телевизору.

Иван Фомич задержался на остановке. Может быть, он хотел сесть в автобус и проехать в дальний конец города, за реку. Но передумал тратить деньги на билет. И все-таки не спешил идти дальше. Две женщины ждали автобус и разговаривали. Ему любопытно.

— “Здравствуйте”, “доброе утро”, “приятного аппетита”, “спокойной ночи”. Только так. Сидим за столом: “Хлеба кусочек не передадите? — Да, пожалуйста. Соли достаточно? — В самый раз, спасибо большое”. Ну вот я ей хлеб передам, она его сидит, мажет маслом, все так хорошо, вежливо, культурно, и я улыбаюсь, а про себя думаю: хоть бы ты подавилась, сволочь.

На другой стороне улицы Иван Фомич разглядел знакомую фигурку. Сын буфетчицы стоял у магазинной витрины.

Подошел автобус и фигурку загородил. Женщины погрузились, автобус их увез.

Мальчик по-прежнему стоял на другой стороне у витрины. Иван Фомич пропустил трескучего мотоциклиста и направился через дорогу.

— Хороший? — спросил Иван Фомич.

Мальчик отвернулся от витрины и посмотрел на него.

— Да, — ответил. И вновь — к витрине. Служащий только что установил в ней ноутбук. Экран включился. Поплыли рыбы. Разноцветные рыбы среди разноцветных водорослей. С гребешками, вуалями, крыльями, шпорами, почти человеческими печальными глазами...

— Таких не бывает, — сказал Иван Фомич.

— Бывает, — возразил мальчик.

— Это художник нарисовал.

— Какая разница?

Мальчика рыбы не интересовали, он разглядывал ноутбук, он пожирал его глазами, и на секунду Ивану Фомичу почудилось, что ноутбук и вправду тает под взглядом мальчика, действительно способным поглощать. Обладание и есть поглощение, давно известно.

— Зайдем? — предложил мальчику Иван Фомич.

— Зачем?

— Потрогаем, пощупаем, вопросы зададим. Через стекло неинтересно.

ПокOLEбавшись, мальчик последовал за Иваном Фомичом.

— Я только не знаю, какие вопросы задавать, — прошептал Иван Фомич мальчику. К ним направлялся служащий. И смотрел он на них подозрительно.

— А чего вы хотите знать? — тоже прошептал мальчик.

— Его мне купить или лучше другой?

— Другие дешевле.

— Денег не жалко.

— Тогда этот. — И мальчик стал объяснять про память, быстрое действие, интерфейс...

— Погоди, — остановил его Иван Фомич, — я все равно этого не понимаю. Не уходи, смотри, чтобы они меня не надули, я им не верю, бандитам этим.

Расплатился Иван Фомич наличными, которые хранились у него во внутреннем кармане куцевого пиджака (карман застегивался английской булавкой, а деньги заворачивались в клетчатый носовой платок).

Компьютер проверили, показали его возможности, запаковали в специальную сумку вместе с чеком и гарантийным талоном и сунули в подарок небольшой складной зонт.

— Спасибо, — сказал Иван Фомич мальчику, глаз не спускавшего с черной сумки.

— Не за что.

— Мы так поделимся: я возьму зонт, а ты — агрегат.
— Вам донести помочь? Вы далеко живете? Я к десяти матери обещал дома быть, слово дал.
— Иди домой, иди. Конечно. Мать у тебя женщина добрая, бесценная, я у нее столуюсь в буфете.
Мальчик кивнул и пошел к выходу.
— Эй, — остановил его Иван Фомич, — агрегат забыл. Чего ты? Он твой. Я тебе купил. Мне он даром не нужен. А зонт возьму, легкий и места мало занимает.
И более Иван Фомич не стал объясняться и направился из магазина.
Вечером буфетчица сказала ему, что они не могут принять такой подарок, что это совершенно невозможная вещь, и пыталась отдать черную сумку прямо в буфете. Но он решительно от сумки отсекся. А когда буфетчица растерянно сказала, что они теперь перед Иваном Фомичом в неоплатном долгу, ответил, что никакого долга нет, надо только проверять его почту, он напишет адрес на бумажке. Проверка писем, больше ему ничего не нужно. Буфетчица сказала, что это ничтожно мало за такой подарок, а в долгу она быть не любит, что почту он и в интернет-кафе может проверять. Иван Фомич возразил, что ничего не понимает ни в компьютерах, ни в Интернете. В любом случае это его дело. И если мальчику сложно проверять почту, можно и не проверять, особой нужды нет. То есть так повернул, как будто буфетчица пожалела даже почту ему смотреть.
— Господь с вами, — сказала она, — конечно, он будет смотреть вашу почту.
— Это не обязательно. Чаю мне налейте. И бутерброд с сыром... чего это он у вас вчера десять рублей стоил, а сегодня одиннадцать?
— Сыр дорогой привезли.
— Ну, тогда... вот что. Дайте мне просто хлеба с маслом. — И пояснил совершенно обалдевшей буфетчице: — Не хочу из бюджета выходить.

Глава 2

День его был строго расчислен. Взвешен, отмерен.
Вставал в семь. Делал зарядку, минут тридцать, при открытом окне. И радовался, что мускулы у него крепкие. Он только казался стариком. Кажимость, мнимость, благоприобретенная мимикрия. Умывался, брился. К девяти он спускался завтракать. Каша и чай. Ел долго, но не так долго, как в ужин. До обеда отправлялся в библиотеку. На дом ему ничего не выдавали, в первый же день сотрудница посмотрела паспорт, прописки не было, и она сказала, что не имеет права. Иван Фомич не обиделся, сказал, что и не собирался ничего брать на дом, на дом ему неинтересно, остался в читальном зале листать подшивки местной газеты. И так привык ходить сюда изо дня в день. Вежливо здоровался с сотрудницей. Спрашивал о здоровье, о личной жизни. Она отвечала: все в порядке, спасибо.
Первым делом он прочитывал газету свежую. Про то, что строить собирались в городе или сносить, криминальную хронику, рубрику “Портреты горожан” и “Простые истории”. Спрашивал сотрудницу, знает ли она героев этих статей и очерков. Кого-то она знала. И ему было любопытно сравнить ее впечатления и журналистские описания. И в конце концов она стала более с ним откровенна и рассказывала о своем муже, о том, что он совершенно не умеет ни о чем разговаривать, а только молчит и смотрит телевизор или спит. При этом о себе ей Иван Фомич не рассказывал ничего. И это ее не смущало. И хотя сотрудница видела паспорт Ивана Фомича, в ее сознании не задержался тот факт, что ему сорок пять лет, она воспринимала его опытным, много прожившим человеком, много чего успевшим понять за долгую жизнь.
Сотрудница на три года меньше жила на свете Ивана Фомича, всего-навсего.
Почитав и побеседовав, он покидал библиотеку и шел прогуляться до рынка. На рынке присматривался к товару, спрашивал цены, ругал за дороговизну, ничего не брал. И

здесь к нему привыкли и уже здоровались, и одна сердобольная старушка подавала ему всякий раз то огурчик, то кулек с ягодами, он брал и благодарил. Проходил рынок и старинной улочкой поворачивал к монастырю. В лавочке при монастыре брал хлеб и молоко. Здесь торговали подешевле и бедные люди стояли в очереди, считали сдачу до копейки. Воздух пах свечкой и был темен, и когда выходили из каменных стен, не сразу могли ступить с крыльца, надо было привыкнуть и к воздуху, и к свету.

Иван Фомич заходил в монастырь. Он не крестился и не кланялся храму, садился на лавку, съедал хлеб и молоко, отдыхал, любовался видом. Монастырь стоял над рекой, открывались дали, плыли белые пароходы и черные баржи, жужжала газонокосилка, за железной сеткой ходили куры, фазаны и павлины. Смотреть на павлинов приводили детей. И никто у них не спрашивал их веры. В дождь, конечно, Иван Фомич в монастырь не заходил, птицы все прятались в дождь, река была серой, тяжелой. Иван Фомич съедал свой обед в лавочке, наблюдал за людьми и кошкой, она жила сытно при монастыре. И у нее никто не спрашивал ее веры. И если был дождь, Иван Фомич возвращался в гостиницу под новым зонтом, который в сложенном виде весь умещался в кармане и ничуть не отягощал.

До ужина Иван Фомич отдыхал перед телевизором. После ужина, неизменно долгого, ужина-театра, Иван Фомич разбираал постель и ложился. Но только при включенном телевизоре. И засыпал под телевизор, под его голоса. Так что телевизор работал у него всю ночь, и из коридора казалось, что у Ивана Фомича всю ночь гости, что он не одинок. И может быть, поэтому Ивану Фомичу снились люди, незнакомцы, которые жили своей жизнью, а Иван Фомич за ней наблюдал.

В солнечный ветренный день Иван Фомич сидел на лавке и ел свой хлеб. Белые облака текли по небу.

Женщина в платочке опустила рядом. Она молчала, он ел, облака текли. Когда он закончил и стряхнул крошки, она спросила, верит ли он в Бога. Иван Фомич посмотрел на женщину с недоуменным любопытством. Прежде, видя ее только боковым, невнимательным зрением, он думал, что она уже в возрасте. Из-за темного платка. Он был повязан, как у старух принято, под подбородком, скрывал лицо. Но, присмотревшись, Иван Фомич разглядел под платком лицо молодое. Около тридцати было женщине, не больше. Молодое лицо, бледное, растерянное.

— Нет, — ответил Иван Фомич, — не верю.

— А я не знаю, — сказала женщина грустно.

Иван Фомич молчал и ждал, что дальше. Куры клевали зерно за железной сеткой. По реке шла баржа с желтым песком.

— Я все хочу представить, что будет потом, после смерти.

— Придет время, — сказал Иван Фомич, — увидим.

— Мое уже пришло.

Посмотрела светлыми детскими глазами на Ивана Фомича.

— У меня рак нашли. Слишком поздно, ничего, говорят, уже нельзя сделать. В Германии бы еще могли что-то, но на Германию у меня денег нет, сто тысяч евро. Даже если квартиру продам.

— И как нашли? — заинтересовался Иван Фомич.

— Случайно. Голова у меня давно болела, не всегда, но часто, я ходила к терапевту, она измеряла мне давление, кардиограмму снимала, успокоительное прописывала, говорила, что мне замуж надо и все пройдет. Я в школе работаю, очень тяжело урок вести, когда голова не очень. Не понимаешь иногда, что говоришь. И что они говорят, не слышишь. Смеялись они надо мной. И вот я упала, прямо на уроке, вызвали “скорую”. Врач попался хороший, внимательный, он и нашел. Если бы, говорит, раньше.

— Вы меня прямо напугали. Я ведь у врача лет пять не был. Как этого внимательного фамилия?

— Макаров. Илья Сергеевич.
— Где он принимает?
— В областной больнице.
— Сегодня же запишусь на прием.
— Сегодня уже не получится, он завтра с утра будет, только пораньше приходите, часам к семи, а то не хватит талончиков.
— Спасибо, спасибо. Очень вам благодарен за информацию.
— А... — Она запнулась и глаза отвела в сторону, но докончила все-таки: — Не могли бы вы мне денег одолжить на Германию? Если у вас есть, конечно. Я слыхала, что у вас есть. Люди говорят. И что вы добрый человек.
— Чего вы смущаетесь? — удивился Иван Фомич. — Я ведь сразу догадался, к чему ведете. Только я сейчас ничего не могу вам сказать, сначала к доктору схожу, вдруг еще самому понадобится, не дай бог, конечно. Встретимся послезавтра, если дождь будет, то в лавочке, Гидрометцентр обещал.
Но дождь не случился.

Доктор принимал медленно, добросовестно, скопилась очередь, люди вели разговоры, это Иван Фомич любил — чужие разговоры, чужую жизнь, в которой он не участвовал, слава богу. Иван Фомич оставался в стороне, хотя поглощен был чужой жизнью самозабвенно.

Он даже очередь свою пропустил ради одного такого разговора, чтобы дослушать до конца. Мужчина рассуждал о пенсии. Пенсия — освобождение, путь к свободе. Мужчина рассказывал, как он ждал пенсию, когда не будет вопить будильник по утрам и завтракать можно долго, помешивая ложкой чай, слушать радио, глядеть в окно, лениво думать о предстоящем дне и день будет лежать впереди, долгий и солнечный. Но свобода не пришла, что была за глупая мысль о свободе? Болели ноги, и приходилось слушаться будильника, глотать чай торопливо и ковлять в больницу на прием.

— Ждать не нужно ничего, — говорил мужчина, — это очевидно. Даже автобус. Ты стоишь на остановке, вместо того чтобы идти. Он подъедет через час. Ты бы уже давно был дома и ел свой ужин.

— Сейчас автобусы хорошо ходят, — возразили мужчине.

— Да при чем тут автобусы, — сказал он.

И он уже ушел в кабинет, к доктору, когда женщина, еще не старая, сказала словно бы самой себе:

— В детстве ждала поскорее вырасти, в детстве как будто не жила, думала — вырасту, будет жизнь, а пока потерпеть надо, выросла — тоже не жила, замуж ждала, ребенок, когда он вырастет, все жду, что она еще будет, жизнь.

Иван Фомич женщину дослушал и пошел в кабинет, никого уже больше не стал пропускать.

Глава 3

Сразу не подошла. Ждала в сторонке, пока он доест свой хлеб и допьет молоко. В монашеских кельях окна были закрыты. В храме шла служба. Заметил он ее или нет, она не знала. В ее сторону он не смотрел, во всяком случае. Солнце вышло из облака, и он от него отвернулся, ослепленный. Допил молоко, бросил пустую коробку в урну, крошки стряхнул своей птичьей лапкой. Старые башмаки были зеркально начищены и от этого казались почему-то жалкими.

Она приблизилась, поздоровалась слабым голосом. Он поглядел на нее:

— Здравствуйте. Ничего не получится. Да вы садитесь, а то мне неловко голову задирать.

Она опустилась на лавку.

— Был я вчера у вашего Макарова. Он сказал, что не поможет вам Германия. Он изучал вопрос. Никто уже не поможет. Поздно.

— Значит, не будет денег?

— Ни к чему вам деньги.

Она молчала. Глаза ее смотрели за сетку, на белую курицу, в зеленой мелкой траве она копошилась, искала, выклевывала.

Она представляла, как бросается перед ним на колени, целует его старческую руку и он смягчается и плачет вместе с ней. Но ничего этого она не делала, просто сидела рядом. Ветер рябил воду, уносил облака. Монах прошел в черном, как будто тоже несомый ветром.

— А вы как? — спросила она уже не принадлежащим ей голосом. — Что сказал доктор Макаров?

— Здоров, спасибо.

Руке стало щекотно, он поднял ее поближе к глазам, рассмотрел муравья, стряхнул. Поднялся:

— Прощайте.

Она глядела ему вслед равнодушно, ничего не чувствовала, мир не рухнул. Да нет у него никаких денег — так ей дома сказали; мало люди глупостей болтают! Вымышляют скуки ради.

Глава 4

Город был немаленьким и от реки уходил далеко, но река везде чувствовалась. На самой окраине, у вокзала, где, казалось, только мазутом и должно пахнуть, все-таки и рекой пахло. Река несла этот город.

Окна были отворены. Иван Фомич сидел за большим столом. Он впервые очутился в частном доме. Оказался в чреве города, внутри, в самой интимной части. Иван Фомич волновался, он даже надел галстук. Часы на стене показали четыре. Буфетчица пригласила его к трем. Так что уже час он наслаждался чужим домашним уютом.

Буфетчица, конечно, потратилась, взяла на рынке форель, филе индейки. Чтобы и рыба на столе, и мясо, чтобы был гостю выбор. Сыр взяла четырех сортов, дорогой, не то что в буфете. Фрукты. Водка. Вино.

— Воскресный обед, — так она ему сказала. — Я уйду в отпуск, двадцать восемь календарных дней, увидимся ли, вдруг съедете? Не собираетесь, но кто знает? Да и не важно. Мне хочется, чтобы вы неказенных харчей попробовали, в семейной обстановке посидели, расслабились.

Сын у нее спросил, кстати:

— Мама, а если бы он не подарил мне ноутбук, ты бы его пригласила?

Она сказала, что уже думала об этом.

— Нет, навряд ли. Но не потому, что не хотела бы пригласить. Мне его сразу жалко стало, как ребенка-сироту, — растет без ласки. Но постеснялась бы пригласить. Он своим даром как бы позволил мне. Вроде как первым разговор начал, завел знакомство.

Много было еще нюансов, но их она не умела объяснить.

Видно было, что Ивану Фомичу доставляет удовольствие сидеть за их столом. И все не походило на себя. Мальчик был в белой рубашке, чинный, скованный. Буфетчица в цветной блузке, пахла духами, Иван Фомич в галстуке, как уже было сказано.

Хрустальные рюмки, фарфор чешский, с нежным, тающим рисунком. И дом, который несет река, ни разу не покачнув. Дом-корабль, а эта комната — кают-компания. Никогда ни на каких кораблях не был Иван Фомич, только в книгах читал: кают-компания (уют-компания). Ел он мало, но все попробовал и похвалил.

Буфетчица рассказала немного о себе, что родилась здесь, в этом городе, и нигде больше не побывала, даже в Москве. Но передачи про путешествия смотреть любит. И

теперь у них есть развлечение, спасибо Ивану Фомичу, наблюдать по компьютеру за всем миром. Можно приблизиться к любому городу на земле, к любой его улице, сделать ее видимой, проехать по ней и осмотреться.

— В реальном времени, — сказал мальчик. — По спутнику передают.

Иван Фомич поразился:

— И ваш город можно увидеть? Если я выйду сейчас на улицу, вы меня на компьютере увидите через спутник?

— Нет, — отвечал мальчик. — Может, со временем... Пока мы были в Нью-Йорке, в Лондоне, в Сан-Диего.

— Сан-Диего, — восхищенно повторил Иван Фомич.

— Ничего особенного, — сказал мальчик.

Разговор, ко всеобщему сожалению, прервал звонок.

Соседка пришла за спичками: газ нечем зажечь. Буфетчица отправилась в кухню. Соседка ждать ее в прихожей не стала. Увидела роскошный стол, глаза сузила.

— Здравствуйте, люди дорогие, а я думаю, что за запахи такие по всему стояку, одуреть можно, думала, свадьба у кого, — вроде нет, ни свадьбы, ни поминок, да сейчас и не отмечают ни свадьбы, ни поминок, в домах то есть, всё в кафе, удобно, конечно, не хлопотно, были бы деньги, в них вся загвоздка, как ни посмотри.

Пока говорила, села к столу, на место буфетчицы. Обращалась к Ивану Фомичу. Буфетчица тем временем вернулась, положила коробок на стол. Соседка на нее оглянулась:

— Твое место заняла?

— Ничего.

Буфетчица принесла из кухни еще стул, тарелку.

— Извини, ты вроде как меня не приглашала.

— Вроде как, — сказала буфетчица. — Рыбу тебе? Или мясо?

— Ой, рыбки хочется... Погоди, погоди, хватит, надо и для мяса местечко оставить. — Похлопала себя по животу. К Ивану Фомичу обратилась: — Я соседка их, Нина.

— Я понял, — сказал Иван Фомич.

— Живу здесь за стеной, одиноко, деток не нарожала, хотела, да бог не дал, от тоски по своим полюбила племянника. У вас нет детей? А других родственников? Значит, и забот нет. А у меня забота так забота. Восемнадцать лет парню. Сидит в тюрьме.

— Да не сидит еще, — заметила буфетчица.

— А что же он делает? В отпуске у Черного моря отдыхает?

— В КПЗ, — сказал мальчик, с явным удовольствием произнося это слово: “КПЗ”.

— КПЗ! — воскликнула соседка. — И куда ему оттуда дорога, кроме как в тюрьму? Все, попалась птичка.

И соседка замолчала. Прикончила рыбу. Буфетчица налила Ивану Фомичу водки, себе вина, соседка попросила водки. Мальчик налил себе колы.

Чокнулись.

— За знакомство, — сказала соседка и опрокинула стопку.

— Да я вас не познакомила, — спохватилась буфетчица.

— А то я не знаю, кто это. — И соседка, привстав, обратилась к Ивану Фомичу: — Наслышана.

Он смутился, порозовел.

— Вот одолжили бы вы мне денег. Я б вам вернула, отработала бы, до конца бы дней вам белье стирала... Следовательно прямо говорит, пять тысяч, и не рублей, чтоб вы не думали.

Все смотрели на Ивана Фомича. Он салфетку взял, губы вытер.

— Что он сделал, ваш племянник?

— Человека убил. Без умысла, в драке. Ударил, он упал, головой о камень. Камень никто не судит, а Димочку моего... — Всхлипнула.

— Читал в газете об этом происшествии, — сказал Иван Фомич. — Со всеми подробностями.

Он замолчал, задумался. Все ждали. Мальчик нечаянно ложкой звякнул и сам вздрогнул.

— Деньги не помогут, — сказал Иван Фомич.

— Что, обманет следователь?

— Этого я знать не могу, только в тюрьму ваш племянник все равно сядет. Такой он человек.

— Да откуда ж ты знаешь, какой он человек? — поразилась соседка, перейдя уже на негодующее “ты”. — Из газетенки этой паршивой вычитал? А ты мальчика видел моего? В нем росту метр восемьдесят, а душа детская, он собачонку паршивую и ту пожалеет.

— Если только не выпьет, — заметила негромко буфетчица.

Соседка посмотрела на нее долгим взглядом. Поднялась. Иван Фомич глядел на нее, очарованный, так она ему была любопытна.

Дверь за соседкой захлопнулась.

— Ладно, — сказала буфетчица, — пойду чайник ставить. — Поднялась и захватила со стола спички. — Торт я сама пекла. По всем правилам.

Пока чайник вскипит, мальчик повел Ивана Фомича к ноутбуку. Усадил перед экраном. Открыл почтовый ящик.

— Два письма вам пришло. Я их не читал.

— А чего? — удивился Иван Фомич. — Ты читай в другой раз, вдруг важное.

Мальчик открыл письма.

“Сегодня вышло солнце и все осветило. Я люблюсь на цветы. Уже и флоксы цветут”.

Это было первое письмо.

“Обещали дождь, и душно, птицы сидят на деревьях, по крыше сарая ходит ворона”.

Это было письмо второе.

Иван Фомич покачал удовлетворенно головой. Взглянул на мальчика — он был явно разочарован такими пустыми посланиями.

— Ты ответь чего-нибудь, — сказал Иван Фомич.

— Чего?

Иван Фомич взглянул за окно.

— Ветрено сегодня. Так и напиши, ветрено. Но дождь вряд ли будет. Так и напиши.

Пришла осень. Буфетчица давно вернулась из отпуска. Дни стояли темные, люди точно потеряли зоркость, утратили важную часть зрения, — не просто дни стояли темные, мир людской потемнел, помрачнел. Днем горел свет в домах. В буфете народу стало больше вечерами, больше пили, больше курили, наверно, казалось людям, что с серым дымом уходят серые мысли.

Соседка продала шесть соток: смородины три куста, яблоня, терновник, тепличка, сарай с окошком, а в сарае стол под веселой клеенкой, самовар старинный, полка с чашками, чашки в горошек. Пять тысяч с небольшим выручила. Сказала об этом буфетчице со злой гордостью.

— Видишь, как хорошо, — отвечала буфетчица кротко.

Через два дня после воли племянник сбил насмерть женщину. Машину взял у приятеля, с ним и пил, у него мать гнала самогон, подмешивала жженный сахар, людям нравилось.

Так что прав оказался Иван Фомич, не помогли деньги. От судьбы не уйдешь, что тут еще скажешь, а Иван Фомич не зря стариком выглядел в свои сорок пять: мудрость старит.

И кто бы у него ни попросил с тех пор денег, всем он отказывал под тем предлогом, что деньги ничего не исправят, не помогут и нечего их переводить зря. Люди в конце концов утвердились, что денег у Ивана Фомича лишних нет. И более его не беспокоили.

Он жил как жил, в гостинице под крышей. Дожди начались, потолки протекали, Иван Фомич подставлял ведро, просил у горничной. Жаловался администраторше, она говорила, переезжайте в другой номер, чуть дороже. И даже на чуть-чуть дороже Иван Фомич не соглашался. Начались заморозки, потолки высохли, разводы изменили рисунок, Иван Фомич изучал его с новым интересом. Все так же он ужинал в буфете бутербродом с сыром, а то и просто куском хлеба, глазел на людей, засыпал под разговоры из телевизора, под тихий его бубнеж.

Милицонер из районного отдела заинтересовался Иваном Фомичом. Навел справки. Выяснил, что прожил Иван Фомич всю жизнь в дальнем от их мест городе, прожил тихо, исправно трудился на заводе инженером, получил вдруг наследство, продал квартиру и уехал. В разных городах побыл, везде понемногу, а в их городке задержался.

Всплыла одна любопытная подробность: с самого раннего детства осознавал себя Иван Фомич человеком старым. И даже не старым, а как бы уже прожившим давно эту жизнь. Это самоощущение и делало его, по всей видимости, стариком.

Немного ему и оставалось, до весны.

Буфетчица похоронила его на свои деньги, а когда разбирали вещи, нашли завещание. Все свои сбережения отписал ей Иван Фомич. Немаленькие по ее меркам.

Письма приходили Ивану Фомичу время от времени. Всё про погоду, в одну строчку. Сын ее хотел написать, что Иван Фомич умер, но буфетчица велела на письма отвечать по-прежнему.

“Утро тихое, лежит снег”.

Это было несложно.